

МОТИВ СУДЬБЫ В РОМАНАХ Ч. АЙТМАТОВА **THE MOTIF OF DESTINY IN THE NOVELS BY CH. AITMATOV**

Аннотация: Статья посвящена анализу мотива судьбы в романах Ч. Айтматова. Тема судьбы реализуется в произведениях с помощью мотивов рока, предопределения, судьбы. Особое внимание уделяется функциям мотива, его отношениям с другими элементами мотивной структуры, системе образов персонажей.

Ключевые слова: Ч. Т. Айтматов; мотив; судьба; образ; хронотоп.

Abstract: This article analyzes the motif of destiny in the novels by Ch. Aitmatov. The theme of destiny is realized in novels with the motifs of fate, predestination, destiny. Particular attention is paid to the functions of the motif, its connections with other elements of the motivic structure, the system of characters.

Keywords: Ch. Aitmatov; motif; destiny; image; chronotope.

Судьба в произведениях Ч. Айтматова представляет собой активное вмешательство непостижимой для человека «стихий», «судьбоносное» стечение обстоятельств, сталкивающих героев друг с другом, отождествляется с божественным разумом, всеобъемлющим и всепроникающим. Тема судьбы – одна из главных в творчестве Ч. Айтматова. Статья посвящена исследованию мотивов, реализующих данную тему в романах писателя.

Тема судьбы раскрывается автором с помощью мотива судьбы и пространственно-временных мотивов. Первый мотив присутствует во всех произведениях писателя, но становится доминирующим в последних романах («Тавро Кассандры», «Когда падают горы (Вечная невеста)»). О его роли в контексте творчества Ч. Айтматова мы можем судить по степени связанности с ключевыми элементами мотивной структуры. Так, судьба вмешивается в жизнь героя (мотив жизни), и это вмешательство нередко приводит к трагическим последствиям (мотив смерти). Судьба мыслится не только как рок, но и как Провидение, способное привести человека к его счастью (мотив любви) или «возвысить» (мотив власти). Мотив судьбы находится в тесных отношениях как с основными для литературного произведения мотивами, так и с мотивами, которые являются наиболее значимыми в творчестве писателя (мотив музыки, апокалипсический мотив и др.).

Определенное воплощение судьбы (рок, Провидение, предопределение, божественная воля) зависит от функций мотива в отдельном произведении. Так, на сюжетном уровне мотив судьбы выполняет функцию соединения сюжетных линий, не связанных друг с другом и развивающихся параллельно. Герои

существуют обособленно, но встречаются в кульминационный момент своей жизни по причине тождественности их судеб. На уровне образной структуры мотив судьбы способствует формированию групп героев-двойников: сходство судеб персонажей создает необходимость исследования этих образов в контексте их «двойнической» связи (Авдий Каллистратов и Иисус Христос [3], Арсен Саманчин и Жаабарс, Вечная невеста и Элес [2] и др.). Цикличность человеческих судеб, существующих в различных пространственно-временных координатах, оказывает определенное влияние на категории времени и пространства. Другими словами, мотив судьбы становится главным условием формирования нового хронотопа, в границах которого возможно соединение мифа и реальной действительности, а также прошлого, настоящего и будущего.

Хронотоп, в котором реализуется мотив судьбы, характеризуется следующим образом: время словно «сгущается», становится более «концентрированным», а границы между городом и степью, государствами Европы и Азии, земным и космическим пространствами представляются условными. Пространство данного хронотопа воспринимается как неделимое, и это связано с тем, что судьба человека часто не индивидуальна. Независимо от того, где находится герой, у него есть «двойник», разделяющий его судьбу. Пространство произведений Ч. Айтматова – это единое пространство Вселенной, в котором события развиваются по уже существующим «сценариям».

Мотив судьбы представляет собой своеобразную «сеть», связывающую между собой все точки мирового и космического пространства, а также прошлое с настоящим, мифическое время и фантастическое будущее. Синкретичность пространственно-временных отрезков является следствием цикличности «сценариев» судьбы. Повторяемость человеческих судеб обусловлена неизменностью и нерушимостью законов Бытия, навсегда установленным порядком жизненного процесса. Таким образом, особенности хронотопа определяются доминирующими мотивами произведения. Подчиняясь мотиву, пространство-время подвергается определенной трансформации. Но сам мотив также не статичен: мотив судьбы в творчестве Ч. Айтматова представлен мотивами рока, предопределения, случая.

Предугадать замысел судьбы невозможно, но ее воля определяется человеком впоследствии. Когда реализуется ряд определенных условий, происходит «судьбоносное» событие, и герой понимает, почему он находится «здесь и сейчас»: «По-всякому могло, конечно, обернуться и в городе, возможно, и приспособились бы со временем и стали бы они горожанами, как многие другие, но судьбе угодно было распорядиться иначе. Да, то пришла судьба, а как по-другому назовешь тот случай...» [1, с. 60]. Главному герою романа «И дольше века длится день», Едигею Жангильдину, было суждено прожить всю жизнь на разъезде Буранлы-Буранном. Также было предопределено появление на станции Абуталипа и Зарипы: именно здесь должна настигнуть Абуталипа его трагическая гибель, и именно Зарипу должен был встретить Едигей (любовь к Зарипе становится испытанием для героя). Таким образом, необходим ряд произошедших событий, связанных между собой причинно-следственными отношениями, которые «подготавливают» осуществление воли судьбы. Судьба в романе

«И дольше века длится день» подчиняется заранее определенному «сценарию», согласно которому герои должны встретиться в определенный момент в определенном месте. Мотив судьбы в данном произведении реализуется мотивом предопределения.

Причинно-следственный характер предустановленного события становится предметом изображения и в романе «Плаха»: «Редкая судьба могла устроить такое чудо – чтобы именно они, эти десятеро, отмеченные свыше, родились примерно в одно и то же время, выжили и обнаружили друг друга...» [3, с. 54]. В этом произведении автор также высказывает идею о взаимосвязанности всех человеческих судеб, ставшую позднее одной из главных в его творчестве: «Но не бывает изолированных судеб, нет отделяющей судьбу от судьбы грани, кроме рождения и смерти. А между рождением и смертью мы все переплетены, как нити в пряже» [3, с. 114]. Тема судьбы реализуется в произведении с помощью мотивов предопределения и рока. «Переплетенные», зависимые одна от другой человеческие судьбы приходят к общему финалу: одна трагедия влечет за собой ряд других трагедий. Власть рока над человеческой жизнью выражается в неспособности человека предвидеть и изменить то, что ему суждено.

Если в первых двух романах человек представлен заложником судьбы, бесильным перед ее волей, то в «Тавре Кассандры» реализация предопределенного действия зависит и от самого героя: «Не предполагал он, в частности, что с того часа, как он в разговоре с Оливером Ордоком, борющимся за президентское кресло, высказал свое отношение к открытию монаха Филофея, судьба его была предрешена» [4, с. 79]. Принимая какое-либо решение, герои игнорируют предчувствие или доводы разума и самостоятельно выбирают свою участь. Именно выбор человека становится решающим фактором в его судьбе: герои Айтматова, сами не зная того, «затягивают узел» своих судеб [4, с. 80]. Тема судьбы реализуется через мотив рока, а также связана с мотивом выбора. Трагическое событие является следствием рокового стечения обстоятельств лишь отчасти, так как судьба человека складывается из суммы многих решений, принятых самостоятельно.

Особого внимания заслуживает заглавие романа, которое является аллюзией на древнегреческий миф. Кассандра была самой красивой из дочерей Приама и Гекубы. Увидев девушку, Аполлон влюбился в нее и наделил даром прорицания. Но Кассандра отвергла бога и была наказана: ее предсказаниям никто не верил [5]. Согласно античному мифу, именно Кассандра предсказала гибель Трои. Тавро Кассандры – это небольшое пигментное пятно на лбу у зачавшей женщины, «знак-сигнал», которым эмбрион выражает свое нежелание родиться [4, с. 19]. Предчувствие своей трагической судьбы заставляет человека еще в эмбриональной стадии развития отказаться от жизни. Игнорирование сигналов, посылаемых кассандро-эмбрионами, может обернуться для человечества эсхатологической катастрофой. В романе «Тавро Кассандры» мотив судьбы неразрывно связан с апокалипсическими мотивами. Сравнивая мотивную структуру античного мифа с мотивной структурой романа, мы должны подчеркнуть тот факт, что ключевые сюжетобразующие мотивы являются общими. Прежде всего, это мотивы пророчества, неверия (отрицания), рока, апокалипсиса. Автор

использует интертекстуальные связи между мифом и романом с целью изображения идеи непрерывности, цикличности «сценариев» судьбы.

В последнем романе («Когда падают горы») судьба представлена как «вездесущий» и могучий дух, всеохватывающая стихия. Она по-прежнему непостижима для человеческого разума, и ее действия определяются особым замыслом: «Судьба упрямо держала его здесь, не желая поспособствовать. Ведь судьба может все, ан нет, зачем-то изгой Жаабарс нужен был ей здесь» [2, с. 68]. Но если в «Тавре Кассандры» автор указывает на возможность самостоятельного выбора пути, то в последнем произведении Ч. Айтматова этот выбор мыслится как предрешенный, и человеку остается только стать «заложником»: «Досада сжимает горло, дышать не дает – одним словом, сам себя загнал в капкан. Судьба? Кто мог предположить, что такая возвышенно-романтическая идея, родившаяся в любовной эйфории, разрешится таким страшным образом...» [2, с. 91]. Судьба становится роком, неизбежно настигающим человека, а жизнь – это путь к той участи, которая заранее определена: «У каждого предстоящего акта судьбы есть незримая дверь, заранее уготованная, заранее приоткрытая, и кому написано на роду переступить порог этой двери, узнает об этом, лишь оказавшись заложником по ту сторону ее... Такова формула обреченности. Есть только вход, выхода – нет» [2, с. 109]. Как и в предыдущем произведении, мотив судьбы / рока в романе «Когда падают горы» находится в тесных отношениях с апокалипсическими мотивами.

Что касается образов, связанных с мотивом судьбы, то здесь мы можем выделить особый тип героя, который, в силу своей одаренности или незаурядных способностей, обладает определенной властью, позволяющей «вершить судьбы» других людей; представляет собой «сверхчеловека», или «избранного», носителя особого «сакрального» знания. Таким предстает перед читателем Чингисхан в романе «И дольше века длится день»: «Гадать не приходилось – без промысла Неба-Тенгри однолошадного Темучина никогда не осенило бы знамя с золотыми, огнеизрыгающими драконами, и никогда бы не именоваться ему Чингисханом и не восседать под куполом Золотой юрты!..» [2, с. 406]. Тайное знание Чингисхана – это сбывшееся предсказание о небесном покровительстве, символом которого стало белое облако, повсюду следовавшее за полководцем. Покопив тысячи людей и захватив полмира, Чингисхан ощущает себя «проводником воли Верховного Неба на земле» [2, с. 405]. Он был «избран» осуществить божественную волю, а значит, сам стал «богом» на земле: «Так и полагалось быть тому – всему свое предназначение, обращенное в конечном счете к единой и высшей цели – неукоснительному и безраздельному служению мирозахватнической идее Чингисхана» [2, с. 411]. Много общего с монгольским завоевателем у героя романа «Тавро Кассандры», Андрея Крыльцова (монах Филофей). Как и Чингисхан, он стремился к обладанию такой властью, какая не может быть дана человеку: «Ты не признавался себе в этом, но именно подкидыш, некогда брошенный на крыльце, постоянно порывался доказать миру, что он может невозможное – он может повелевать рождением людей, заранее запрограммированных» [4, с. 231]. Андрей Крыльцов относится к типу героя-«сверхчеловека», так как только ему открываются тайны человеческой природы.

Но если Чингисхан и Андрей Крыльцов являются незаурядными личностями, обладают талантом, «возвышающим» каждого из них (талант полководца и талант ученого), то другие персонажи Ч. Айтматова не настолько интересны в этом отношении. Типу героя-«избранного» противопоставляется другой персонаж, «возвышающийся» над людьми благодаря совершенному знанию человеческой природы, предприимчивости и проницательности. Так, «все было заурядно» в Гришане («Плаха») [3, с. 109], «ничем не выделялся» рядовой артист Эрташ Курчалов («Когда падают горы») [2, с. 63]. Однако оба эти персонажа сумели найти путь к власти, проповедуя людям новые «ценности» – удовольствие и деньги. Гришан и Эрташ Курчалов обладают особым влиянием на свое окружение благодаря умелому использованию знания человеческой природы. Но, каков бы ни был источник власти, никто не вправе подобно богу вершить судьбы людей. Человеку, по Ч. Айтматову, может быть предназначена особая роль в истории, но не ему решать, кто должен жить или умереть (наделение себя такой властью мыслится писателем как «подмена» бога человеком).

Таким образом, судьба представляет собой «систему», в которой все заранее рассчитано, или «ловушку», из которой нет выхода. Ч. Айтматов связывает мотивы судьбы с мотивами выбора, власти, бессилия, апокалипсическим мотивом. Если предопределение позволяет человеку выбрать самостоятельно свой жизненный путь, то рок не оставляет этого выбора и ведет героев к неминуемой трагедии. Судьба как одна из наиболее важных для писателя философских категорий определяет мотивную структуру его произведений.

Библиографический список

1. Айтматов, Ч. Т. И дольше века длится день... : роман, повесть / Ч. Т. Айтматов. – М. : Известия, 1986. – 432 с., илл.
2. Айтматов, Ч. Т. Когда падают горы (Вечная невеста) : роман, повесть, новелла / Ч. Т. Айтматов ; предисл. Г. Гачева. – СПб. : Азбука-классика, 2006. – 480 с.
3. Айтматов, Ч. Т. Плаха : романы. – Нукус : Каракалпакстан, 1988. – 608 с.
4. Айтматов, Ч. Т. Тавро Кассандры. Пегий пес, бегущий краем моря / Ч. Т. Айтматов. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 380 [4] с.
5. Энциклопедия мифологии. – <http://godsbay.ru/hellas/kassandra.html> (дата обращения : 15.02.2017).